

Когда мы вошли из прихожей в гостиную Паустовского, мое внимание прежде всего привлекли книги и стол. Сразу повеяло спокойствием и интеллектуальной изысканностью. Как в большинстве русских городских квартир, гостиная была и столовой, и библиотекой одновременно. Все стены от пола до потолка были заняты книгами. В комнате стояли диван, пара мягких кресел, радиола, два-три столика с лампами, скамеечка для ног и овальный обеденный стол, окруженный пятью-шестью тяжелыми стульями красного дерева, еще четыре или пять стульев были принесены из других комнат по случаю сегодняшнего ужина.

У Юдаллов мы ужинали по-американски в непринужденной обстановке. У Добрыниных мы обедали в официальной обстановке, соблюдая условности дипломатического этикета. В самолетах мы ели с подносов, как едят авиапассажиры. В гостинице мы столкнулись с гостиничным сервисом — медлительным и безликим, хотя директор в начале и в конце нашего пребывания уделил группе Фроста особое внимание (после газетных публикаций о встрече Фроста с Хрущевым в Гагре обслуживание заметно улучшилось). Сейчас мы впервые находились в прекрасном русском доме и вскоре должны были сесть за обильный русский ужин. Льняные салфетки, вышитая скатерть, на столе шпроты, маринованные грибы, черный хлеб, черная икра, селедка, лососина и осетрина, редиска, помидоры, винегрет, маринованные огурчики, грузинское вино, маленькие рюмочки под водку. Богато накрытый стол и радушие хозяев вселяли уверенность, что впереди вкусный ужин и теплая искренняя беседа. Фроста несколько раз приглашали в русские дома, и всякий раз гостеприимство хозяев было ему очень приятно. К концу поездки он сильно устал от всего, что успел сделать, и последний ужин был, можно сказать, ему уже не в радость. Но в начале он был полон энергии и энтузиазма. Вечера были интересными.